

дили не в драматической области войны или в придворной жизни, а во внутренней драме, которая разворачивается в тишине кабинета, нужно найти ритм движения между внутренним и внешним творчеством и жизнью, вневременным образом или идеей и утеканием времени» [9, с. 222]. Научная биография периода постмодернизма продолжает устанавливать и поддерживать пространственно-временную взаимосвязь, являющуюся, в представлении П. Тейяра де Шардена, эффектом сознания [10]. Важно добавить, что М. Бахтин упоминает выражение «биографическое ценностное сознание», которое актуализирует историко-культурную и культургерменевтическую необходимость работы над жизнеописанием ученого. Иными словами, во-первых, мы получаем биографическую интерпретацию ценностей субъекта деятельности, а во-вторых, восстанавливаем факт бесконечного взаимовлияния истории, общества и личности. «Идеи, продуцируемые научным сообществом, как говорят, “носятся в воздухе”. Идеиные флюиды не могут сконцентрироваться нигде, кроме как в отдельной голове, чтобы грянула “гроза”, освещающая мир и его явления невидимым доселе светом. Тщетны попытки понять механизм “грозы”, игнорируя неповторимую личность человека» [11, с. 56]. Культурное самопознание соотносится с очевидной потребностью философского знания в саморефлексии и самоинтерпретации. Последняя в историко-философском знании, особенно в границах научно-биографического пространства, всегда необходима, как необходимо осознание любого шага в лабиринте рефлексии. В результате можно считать, что герменевтический метод и постмодернистские установки делают научную биографию самопознающим и постоянно развивающимся пространством.

УДК 167.1

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-41-44

ДВЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ В АНАЛИЗЕ Ж.-Ф. ЛИОТАРА

В статье раскрывается концепция Ж.-Ф. Лиотара о двух методологических парадигмах европейской культуры: эстетической, базирующейся на античном наследии и усиленной западной культурой, и айстетической, базирующейся на еврейском наследии и забываемой. Обе по-разному воздействуют на культуру и по-разному представлены в европейском сознании. Осмысление этой разницы, возможно, позволит европейской духовности освободиться и развиваться полноценно, по пути снятия отчуждения.

Ключевые слова: айстетическое, забываемое, эстетическое, прогресс, постмодерн, пророческое измерение настоящего, рациональное выстраивание будущего.

Жан-Франсуа Лиотар — французский философ, автор знаменитой работы «Состояние постмодерна» [1], по этой работе он знаком русскому читателю, но его работа «Хай-

1. Микешина Л. А. Истина в исторической науке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. Вып. № 3 (29). С. 23–31.

2. Николаева А. Б. Текстуально-онтологическое пространство научной биографии: интерпретация персональной истории. Омск : Изд-во ИП Шелудивченко А. В., 2019. 216 с.

3. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

4. Тищенко П. Д. Знание, понимание, умение в герменевтической структуре научного текста // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 58–67.

5. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М. : Иса, 1994. 656 с.

6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Библиотека Гумер — литературоведение : [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Baht_AvtGer/01.php (дата обращения: 12.02.2019).

7. Рикер П. Конфликт интерпретаций: эссе о герменевтике // Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. URL: http://www.plam.ru/philos/konflikt_interpretacii_ocherki_o_germenevtike/p2.php (дата обращения: 12.02.2019).

8. Тихонова Е. Ф. Герменевтика и знак // Актуальные проблемы философии и методологии науки. Ростов н/Д : Феникс, 2008. С. 198–221.

9. Бойд Б. Жизнь биографа // Звезда. 2002. № 1. С. 213–222.

10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : АСТ, 2012. 384 с.

11. Бергер П. Общество как драма // Человек. 1995. № 4. С. 50–61.

© Николаева А. Б., 2019

V. V. Nikolyn, O. I. Nikolina, L. I. Chinakova
V. V. Nikolyn, O. I. Nikolina, L. I. Chinakova

TWO METHODOLOGICAL ATTITUDES OF WESTERN CULTURE IN THE ANALYSIS OF J.-F. LYOTARD

The article reveals the concept of J.-F. Lyotard on two methodological paradigms of European culture: esthetic, based on ancient heritage and strengthened by Western culture, and eisthetic, based on Jewish heritage and forgotten. Both affect culture differently and are represented differently in European consciousness. Understanding this difference will probably allow European spirituality to free itself and develop fully, removing alienation.

Keywords: eisthetic, forgotten, esthetic, progress, postmodern, prophetic dimension of the present, rational building of the future.

деггер и “евреи» [2], с нашей точки зрения, дает новую рефлексию картины развития современной философии. Ж.-Ф. Лиотар отмечает, что у европейской мысли и культуры

несколько источников: греческая эстетика, римская юриспруденция, христианская вера и еврейское понимание откровения. Сама европейская культура активно использует первые три источника своего развития, а четвертую стремится максимально умолчать. Это умолчание приводит европейскую культуру к кризису и несамодостаточности, отчего, по мнению Лиотара, культура приобретает своеобразный номадический характер бегства от собственного источника. С опорой на античную эстетику культура стремится скрыть еврейское наследие в качестве собственного источника. Еврейское наследие представлено в формах откровения и пророчества, оно порождает некое иное временное измерение. По мнению Лиотара, европейская культура скрыто вбирает в себя еврейское наследие, но признать это отказывается.

В европейской культуре и философии достаточно ясно определена тенденция рационального прогнозирования будущего, с опорой на научные открытия и на идею прогресса, сформированного в новоевропейской культуре. Делается это с опорой на настоящее, на те достижения, которые существуют к настоящему моменту. Еврей не анализирует, а пророчествует, ему открыто будущее еще до настоящего, и он объясняет настоящее, исходя из будущего на основе пророчества. Этот способ прогнозирования представляет собой нечто цельное, единое, и откровение дает до начала действия это единое как неясное и существующее. Европейец это единое ищет и не находит, называя это единое подлинным. Он не может или не хочет видеть это в еврейском пророческом, отказывается принять еврейское как подлинное и ищет его там, где подлинного нет, например в законах природы, т. е. убегают из собственной духовности. Да и поиск единого в законе приводит к постоянному прогрессу закона. Ньютона сменяет теория относительности Эйнштейна, сами законы оказываются относительными, но при этом они становятся точнее и демонстрируют прогресс.

Хайдеггер, выявляя отчуждающий характер прогресса, ищет деконструкцию европейской мысли, вслед за Гуссерлем, в направлении преемственности европейской мысли от греческой. Хайдеггер видит перспективу деконструкции как выведение или приведение европейской мысли к античной как к своему прототипу и идеалу.

Лиотар предлагает иную деконструкцию западной мысли: дополнить греческое пленение еврейской жертвой. Для этого надо перестать умалчивать еврейскую составляющую западной культуры. Если Античность дарит Европе эстетику, то евреи дарят айтистику, дар пророчества и единства видения мира. Но европейец не может признать заслуги еврея в своем развитии, он умалчивает само существование еврея. Христианство стремится инкорпорировать еврея. Просвещение, самое универсальное течение европейской мысли, считало еврейское несущественным, ибо верило в равенство и сходство всех людей. Затем в романтизме возникает умалчивание еврейского источника европейской культуры, и это умалчивание вызывает в европейце нарастающую тревогу — тревогу за собственную идентичность.

Итак, евреи уничтожались, хотя не были врагами и не представляли опасность; и уничтожались не обычными средствами полиции и войны. В Освенциме уничтожение евреев из политического становится промышленным. Запад-

ная культура как раз и движется в подобном направлении, Лиотар называет это судьбой Запада, в данном случае это вырождение технэ в технику, утилизирующую тела евреев и игнорирующую духовность человека. Хайдеггер, по словам Лиотара, говорит об этом однажды, сопоставляя производство водородной бомбы, сельское хозяйство как вид промышленности и газовые камеры [2, с. 127].

В греческой трагедии столкновение человеческого и божественного кончается смертью героя, и это самосвершение судьбы. Западная философия определяет экономику как основание производства. Трагедия вводит катарсис, производство — праксис, а евреи предлагают хранение и восхождение к Всеединому через Другого. Они хранят в своем духе не просто монотеизм, но Бога. Для западного мира это, по мере разворачивания прогресса, как все более и более альтернативный дух. Как в первом случае, так и во втором метафизика подчинена прогрессу и контролю человека, в третьем — она вырывается за рамки человеческого в подлинно возвышенное.

Античное искусство становится искусством переработки тел человека как отходов. Это неподлинное, которое отворачивается от своей сути. Притом что это забывание не в неистовстве, как у греческого героя, а в амнезии. Это экономика, игнорирующая трагедию и политику. Техническое отношение к человеку уничтожает эстетику или перерождает ее в нечто ужасное для самого западного духа, что он стремится забыть.

Это истребление, вместо раскрытия, закрывает трагедию, не может быть выведено на сцену сознания западного человека. Он может представлять греческого героя, но не бюрократически эффективный Освенцим. Сознание европейца погружено в трагедию героя-одиночки, но умалчивает о массовой трагедии.

Итак, евреи упразднили мощью промышленности и должны быть упразднены вообще из бытия. С ними Запад мог бы получить Бога, но уничтожает эту возможность. Это не смирение и не воспитание духа, а уничтожение Другого духа. Гегелевская историософия, вещающая, что немцы — конец истории, тоже соучастница такого пути.

Методология западного пути есть путь прогресса, постоянного развития, а не поиск абсолютного неизменного, которое нарастает и становится новым основанием. В случае прогресса основание истончается, и прогресс уничтожает свое основание, в том числе и человека. Прогресс, как креация нового, уничтожает бытие и полагает на его место отчужденное, неподлинное под видом подлинного. Подлинное в этом смысле (для европейца) есть прогресс. Греческая трагедия полагает свой метод: индивидуальный бунт, который ломает все, а человека, носителя бунта, уничтожает. При этом остается разрушенная судьба, а не откровение перед Богом. Человек в трагедии стоит перед конечностью своего бытия, которое отрицает подлинное, а в еврейской традиции он стоит перед откровением и всеединым. В лице Хайдеггера западный дух строит себе новое основание из греческой, а не еврейской традиции, хотя последняя могла бы дать возвращение абсолютного как истинно подлинного. Да и греческое основание только порождает западный прогресс и потом им же уничтожается. Прогресс в методе оборачивается самоуничтожением, как судьбой Европы.

В этом контексте метода прогресса призыв Хайдеггера к поиску подлинного безнадежен, ибо за кадром высочайшего взлета мысли открывается слепота перед реальной перспективой, которая происходит рядом с самим Хайдеггером. Европейец не видит своей судьбы, что уничтожение им евреев оборачивается против него самого. Это самоуничтожение, украшенное законом от римлян и прекрасным от греков и отталкивающее возвышенное от евреев.

Ж.-Л. Нанси, по мнению Лиотара, ищет праздного общества, которое противопоставляет единичности друг перед другом напоказ, а у Хайдеггера за кадром мысли стоит работа. Он предполагает народ, который от собственной земли вырабатывает свое место бытия. Лиотар видит это вырабатывание как экономику Освенцима.

Производство Хайдеггера скорее пространственное, во времени, поиск корней языка немецкого одного происхождения с греческим, прячется от времени вечности [1, с. 131]. Тут тоже греческое прикрывает самоосмысление западного.

Лиотар подозревает, что у Хайдеггера слово обрабатывается как вещь, как и еврей обрабатывается как вещь. Эта обработка народа нужна, чтобы вернуть его на родину, на прежнюю землю, а на деле происходит подмена прошлого прогрессом, усовершенствование труда в техническом смысле. То есть главного отчуждающего фактора — техники — прогресс не видит, а значит, не видит своего основания, самого себя и своего будущего итога. Использование времени и пространства не выход, выход к подлинному лежит в вечном времени и пространстве ничто. Вот подлинное и альтернатива прогрессу.

«Мысль Хайдеггера остается поработанной мотивом “места” и “начала”» [2, с. 142]. Это объясняет связь Dasein и народа, или мотив его обращения к нацистам. Прогресс в образе уничтожения Освенцима показывает метод самоуничтожения западной культуры, ибо этот метод неосознаваемый, он работает в отношении любого другого народа, духа и вещи. Попытка Хайдеггера защитить природу как то, что есть основание прогресса, бесполезна, потому что сам прогресс свое основание уничтожает. При этом опыт Освенцима показывает, что сознание прогресса не желает видеть ни своего основания, ни своего метода, оно слепо в плане вечного и судьбы и видит только полезное, свой рост и новации.

Лаку-Ламбарт считает, что немцы должны были осмыслить и реконструировать свое сознание через весь ход развития Европы (итальянское возрождение, французская культура, греческое и римское наследие) [3]. Возрождение немцы осмысливают как протестанты, в мрачных тонах. Немецкое возрождение гораздо холоднее, чем итальянское, недаром оно северное. Французскую культуру немцы, в лице их выдающихся философов (Фихте, Гегель), отвергают в целом, как путь необузданной свободы, ведущий в никуда. Немцы, в лице Хайдеггера, не смогли переосмыслить собственное основание. Уже романтики стремятся создавать новый народ с помощью новой мифологии, ту же линию выдерживает и Хайдеггер. Лиотар считает, что проблема самосознания немецкого духа в том, что он игнорирует и забывает еврейское влияние, которое могло бы повернуть человека в Германии к истинному подлинному. Пока есть умалчивание еврейского вопроса, европейский дух идет по пути все более антигуманного прогресса.

В итоге в еврейской культуре есть стержень и движение к подлинному (хранение подлинного), а в европейской преобладает прогресс и забвение корней (создание нового). Тут можно повторить мнение Х. Арндт, тесно связанной с Хайдеггером, что нацисты уничтожали не евреев вообще, а европейскую еврейскую культуру, т. е. евреев, которые стремились несколько столетий интегрироваться в европейский мир [4].

Отметим, что забывание еврейской культуры как подлинного основания внутри европейской культуры относится и к другим культурам, западная культура ставит себя выше прочих. Такое же отношение можно зафиксировать к русской, китайской и даже индийской культуре.

Русская культура, например, в лице Киреевского, который первым пытался противопоставить западной рациональности всеединство [5] (эта традиция в русской культуре наиболее развита Вл. Соловьевым [6; 7]), предельно близка к той трактовке альтернативного становления, которую выявляет в еврейской европейской культуре Лиотар. Только в еврейской традиции в лице Левинаса [8] как альтернатива западной безличной рациональности выступает Другой, а в русской — коллективность и соборность.

В целом, благодаря прорыву в понимании европейской духовности Лиотара, мы можем говорить о разных методологических механизмах развития культур. Наша гипотеза состоит в том, что эти глобальные механизмы часто не осмысливаются самими представителями культур, но они выступают как некие маркеры и критерии кристаллизации надындивидуальных культурных субъектов, которые в творчестве проявляются своеобразно и неповторимо для индивидуальностей, но сходным образом для надындивидуальных акторов.

Анализ европейской методологии как методологии прогресса, опирающийся на греческую традицию и эстетическое основание, Лиотар предлагает трансформировать. Он считает, что добавление к эстетическому еврейского айстестиса, который активно участвовал в европейской культуре, но тотально ею умалчивался, раскроет возможность деконструкции этой культуры в сторону оживления и участия человека в самой культуре, пока же прогресс уничтожает человека в европейской культуре. Деконструкция необходима для полноценности европейской культуры и представляется Лиотару единственным путем спасения человека вообще в рамках его технического и рационалистического прогресса.

Альтернативу прогрессу Лиотар пытается найти в работе «Либидинальная экономика» [9]. Он полагает, что в разных культурах возникают своеобразные круги эквивалентности, подобные эквивалентности товарного обмена. Культура может к этому кругу эквивалента относиться по-разному. Лидийцы, по мнению Лиотара вводят в этот круг все и утрачивают естественное состояние человека, что ведет к вырождению культуры. Греки, например Аристотель, вырабатывают меру, в которой есть граница частного и естественного, которое не входит в круг воспроизводства. При этом варианте круг воспроизводства все же заражает логикой обмена естественное, которое вырождается, несмотря на меру и отграничивание от круга воспроизводства. Наконец, в еврейской культуре благодаря избранности естественное, по

мнению Лиотара, не трогаются, и это исходит из будущего и приводит к тому, что естество не отчуждается.

Таким образом, есть ноль эквивалента (который внутри некой области обмена производит обмен равного на равное, равенство не зависит от содержания эквивалента, это может быть военная организация, может торговая, может культурное пространство прекрасного) и ничто отчуждения (возникает как излишек, а потом излишек и метод его обмена и осмысления проникают в потребное и отчуждают желание и инстинкты). Круг ноля обмена может быть ограничен по предметам обмена, но даже в этом случае он проникает в мышление и рефлексию. В третьем варианте запрещена рефлексия, или она исходит из будущего, а не из желания и настоящего.

В этом случае именно иудейская, а не греческая (ни римская и не христианская) культура обладают для европейской культуры способностью показать подлинное и разотчуждать отчужденное. Она поступает так, исходя из способности видеть будущее, которое следует из данного отчуждения. Причем речь идет не о содержании, а о методе отчуждения. Если европейская культура умалчивает этот разотчуждающий механизм, то оказывается ограничена в выборе способов развития и видения сути своего прогресса.

УДК 167.1+130

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-44-46

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье делается попытка понимания проблем интериоризации в моделях традиционной методологии философии и психологии, а также философии постмодернизма. Особенную актуальность приобретает проблема псевдознания ввиду ее связи с информационной революцией, переходом общества и системы обучения на методологию знания-кто, которое, в отличие от знания-что и знания-как, направлено на становление самостоятельности личности.

Ключевые слова: интериоризация, граница, лабиринт, складка, знание-что, знание-как, знание-кто, информационная революция.

Интериоризация — традиционный механизм процесса обучения. В условиях четвертой технологической революции она сталкивается со сложностями, что является результатом отставания системы обучения от названной революции. В статье дается попытка осмысления этой проблемы.

Интериоризация должна быть подготовлена, учащегося должен быть сформирован навык рефлексии и осмысления собственной активности. Это формирование делает человека из ограниченного о-граниченным, т. е. понимающим и видящим собственные границы. С этого момента саморазвитие человека осуществляется им в осознании своих границ, в том

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

2. Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи». СПб.: Аксиома, 2001. 187 с.

3. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-П. Нацистский миф. СПб.: Владимир Даль, 2002. 77 с.

4. Арент Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 1017 с.

5. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 248–292.

6. Соловьев Вл. Чтение о богочеловеке // Соч. СПб.: Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1912. Т. III. С. 5–185.

7. Соловьев Вл. Смысл любви // Соч. СПб.: Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1914. Т. VII. С. 3–63.

8. Левинас Э. Путь к другому. СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2007. 240 с.

9. Лиотар Э. Либиданильная экономика. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара : фак. свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.

© Николин В. В., Николина О. И., Чинакова Л. И., 2019

И. В. Николин, О. И. Николина, А. С. Шаров
I. V. Nikolin, O. I. Nikolina, A. S. Sharov

TRANSFORMATION OF INTERIORIZATION AS A RESULT OF INFORMATION REVOLUTION

The article makes an attempt to understand the problems of interiorization in the models of the traditional methodology of philosophy and psychology, as well as the philosophy of postmodernism. The problem of pseudo-knowledge gains a particular relevance due to its connection with information revolution, the transition of society and the educational system to the methodology of knowledge-who, which, unlike knowledge-what and knowledge-how, is aimed at establishing independence of the individual.

Keywords: interiorization, border, labyrinth, fold, knowledge-what, knowledge-how, knowledge-who, information revolution.

числе с активностью по их преодолению, хотя бы частично. Интериоризация проходит в три шага: сначала рефлексия осуществляется конфигуративно, как повторение и осмысление себя со стороны, затем как управление собственной активностью, в частности в направлении выявления и исправления собственных ошибок, наконец, ценностно, в оценке целесообразности и смысла своей деятельности.

Такое развитие подразумевает культурный контекст, в который вписывается личность учащегося. Развитие каждого уровня регуляции подразумевает отдельные методики и методологию.